

РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ

Современная религиозная ситуация в России и прежде всего состояние российского православия как вероисповедания большинства российского населения (по крайней мере, согласно официальной точке зрения) не могут быть адекватно поняты без анализа их исторических истоков. Обращаясь к исследованию российской духовной традиции, необходимо в первую очередь отметить нетождественность восточной православной традиции в ее истоках, восходящих к греческим отцам церкви, и традиции русского православия, взятого как в собственно церковном смысле, так и в качестве общекультурного явления. Русь приняла крещение от Византии, и это сразу определило ее историческую судьбу, включив в определенный и уже сложившийся круг культурно-исторических связей, в живое и творческое взаимодействие со всем окружающим культурным миром. Крещение было радикальным разрывом с языческим прошлым, однако это не означало, что прошлое бесследно исчезло. «В смутных глубинах народного подсознания, как в каком-то историческом подполье, продолжалась своя, уже потаенная жизнь, теперь двусмысленная и двоеверная. И в сущности слагались две культуры: дневная и ночная»¹.

Носителем «дневной культуры» было, конечно, меньшинство: заимствованная византийско-христианская традиция не стала общенародной и долгое время была достоянием немногих. В то же время в народном сознании развивается причудливая смесь языческих верований, мифологических сюжетов и христианского воображения, касающаяся прежде всего фундаментальных проблем человеческого существования. Противоборство этих двух культур на протяжении многих веков задавало своеобразие русской духовной традиции и, в частности, сформировало тот особенный образ хри-

---

* Степанова Елена Алексеевна — главный научный сотрудник отдела философии ИФиП УрО РАН, доктор философских наук.

¹ Фроловский Г. Пути русского богословия. Киев, 1991. С.3.

стианства, который называется русским православием. Эти две составляющие русской духовной традиции по сей день во многом определяют тип веры в России.

Противоречивость и сложность исторических обстоятельств становления и развития Российского государства также оказали огромное влияние на формирование национального русского образа религиозности, который с некоторыми изменениями существует и в современной России. В их числе можно выделить следующие.

Прежде всего, это возникновение в период становления Московского царства апокалиптического учения о Москве — Третьем Риме, который должен был появиться на месте прежнего, павшего и исчезнувшего второго Рима — Константинополя. После падения Византийской империи, самого большого в мире православного государства, в русском народе пробудилось сознание того, что русское, московское царство остается единственным православным царством в мире и что русский народ — единственный носитель православной веры. Инок Филофей, выразитель этого учения, писал царю Ивану Грозному: «Два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть; твое христианское царство уже иным не достанется». Учение о Третьем Риме первоначально было эсхатологическим и апокалиптическим: в возростании Москвы как последнего «земного» царства предчувствовался конец исторического времени. Только впоследствии эта апокалиптическая схема была перетолкована официальной идеологией в панегирическом смысле. Главным стало утверждение, что православные царства сошлись в Москве, так что Московский царь есть последний и единственный, а потому Вселенский Царь. Третий Рим должен был заменить, а не продолжить Второй; речь шла не о сохранении непрерывности византийской традиции, а о построении нового Рима взамен прежнего, павшего и исчезнувшего. Тем самым была нарушена преемственная связь с византийской традицией и возникла опасность сужения православного кругозора, подмены всемирного церковно-исторического предания преданием местным и национальным.

Церковный раскол XVII в., который на много веков вперед определил основные противоречия в понимании роли церкви в Российском государстве, был в первую очередь связан с ослаблением

вселенского сознания русской церкви и возникшим убеждением в том, что православная вера есть русская вера, и наоборот, не русская вера — не православная вера. Это представление своеобразно преломилось в народном протесте против исправления древнерусского богослужебного чина по греческим образцам, которое было воспринято как повреждение истинной веры. Ошибочно думать, что раскол произошел исключительно по линии обрядоверия или что он имел какие-то аналогии с европейской Реформацией. Основная тема раскола — народное убеждение в том, что истинное православное царство, Третий Рим, нарушилось, произошла измена истинной вере. Государственной властью и высшей церковной иерархией овладел антихрист, в видимом царстве воцарилась неправда. С этого времени тема искания царства, основанного на правде, станет одной из основных в русской духовной традиции. Таким же постоянным станет раскол между официальной самодержавно-государственнической идеологией и сознанием народа.

В политическом смысле взаимоотношения церкви и государства определила церковная реформа Петра I, которая в сущности была опытом государственной секуляризации, заимствованным у западноевропейских протестантских государств, и в результате которой церкви была придана функция идеологического обслуживания государственных интересов. Во имя своего приоритета государство отныне не только требует от церкви подчинения, но и стремится вообрать и включить церковь внутрь себя, ввести ее в состав государственного строя и порядка. Государство отрицает независимость церковных прав и полномочий, и сама мысль о церковной независимости объявляется «папизмом». Государство утверждает себя как единственный и всеобъемлющий источник всех полномочий и всякого законодательства, всякой деятельности и творчества. У церкви не остается самостоятельной сферы деятельности, ибо государство все дела считает своими. И менее всего у церкви остается духовная власть, ибо государство чувствует и считает себя абсолютным. Оно берет у церкви ее задачи, принимает на себя безраздельную заботу о религиозном и духовном благополучии народа.

Главной идеологемой, освящающей роль церкви в государстве, стала знаменитая формула, появившаяся в 30-е гг. XIX в.: «са-

модержавие, православие, народность». Ее суть сводилась к объявлению исторической уникальности России, ее непохожести на Западную Европу, ее верности преданиям веков. Исключительность религиозного пути России заключалась, с этой точки зрения, в том, что русское православное исповедание было заимствовано из византийского источника, сохранившего предания ранней Церкви, и Россия осталась свободной от тех религиозных волнений, которые первоначально отклонили от истинного пути католическую церковь, а потом поселили раскол в ее собственной среде и произвели протестантизм с его бесчисленными сектами.

В результате противоречивых процессов в развитии российской религиозной культуры в русском официальном церковном православии исторически сформировалось недоверие к богословию, которое воспринималось исключительно как западное изобретение. Естественная богословская традиция православия, традиция греческой патристики, была прервана и почти забыта. Размышления о вере заменялись преданиями старины, бытовыми обрядами, благочестивым настроением или безотчетными чувствами. Этому, особенно во второй половине XIX в., способствовала официальная государственная политика, основанная на консервативной идеологии патриархального быта, идеализации наивной целостности души простого народа, которую запрещалось разлагать прививкой рассудочной западной цивилизации. Считалось, что народная вера — это истинная вера, спасающая души надежнее, чем умствования безбожной интеллигенции, и священники должны следовать за ней, поддерживая обряды в их исторической форме. Отсюда боязнь чрезмерного образования для священников и фактический запрет на обсуждение истин веры. Догматы стали восприниматься скорее в каноническом, чем в богословском смысле, как правила благочестия, а не источник живой истины веры.

Наконец, важную роль в становлении российской религиозности сыграл своеобразный протест со стороны культурного слоя русского общества против государственного абсолютизма в сфере духовной культуры, протест, который, начиная с распространения масонства в середине XVIII в., проявляется в упорном предпочтении западных духовных течений, долженствующих заменить «не-

подлинное» и зависимое от государства официальное православие. Это настроение постепенно вылилось в убеждение русской интеллигенции в том, что историческое православие пригодно только для необразованных народных масс. Разрыв между духовными исканиями образованного слоя русского общества, интеллигенции и народным сознанием проходил именно в области христианской веры. Традиционное православие оставалось верой простого народа, интеллигенция же, обратившаяся к поиску нового пути в вере, в большинстве случаев искала его в сфере философии и художественной литературы. Так через девять веков «дневная» и «ночная» культуры поменялись местами — православие было традиционно сильно в народе, но вряд ли имело для него какое-либо осознанное значение, превратившись по сути дела в обрядоверие; культурный же слой, в свое время создавший русское православие, стал искать свой собственный путь к христианству, но не признавал при этом русскую православную церковь подлинной хранительницей православной христианской традиции. Увлечение философией имело двоякий исход: для одних открылась дорога к вере, для других это был путь в безверие и даже в прямое богоборчество, завершившееся принятием «новой веры» — русского марксизма-ленинизма, в котором не было Бога, но сохранялось убеждение в мессианской роли России в мировой истории.

Социалистическая революция 1917 г. в корне изменила облик самодержавной Российской империи, на долгие десятилетия превратив ее в государство, тоталитарное во всех своих проявлениях. В частности, в области религиозной жизни вначале была поставлена задача полного искоренения религии. И хотя ее не удалось осуществить, церковь была надолго отстранена от серьезного влияния на людей. Парадоксально, что именно советская власть дала русской православной церкви то, что было отнято у нее со времен Петра Великого, — формальную независимость от государства. Первый за три прошедших века Поместный Собор, восстановивший сан Патриарха и тем самым давший православной церкви возможность самоуправления, состоялся в 1917 г. И хотя это было еще до Октябрьской революции 1917 г., новая власть формально больше не лишала церковь этой привилегии. Однако официальная

идеология, трактовавшая религию как «опиум для народа», объявившая веру несовместимой с коммунистической моралью и запретившая, согласно принципу отделения церкви от государства, любое участие церкви в общественных делах, допускала религиозную жизнь только внутри церковной ограды, тем самым практически лишив церковь паствы, поскольку открытое исповедание христианской веры стало опасным.

Однако коммунистическая и императорская России были противоположны только на первый взгляд. По сути дела, коммунизм был третьим проявлением русской великодержавности, русского империализма, после Московского царства и империи Петра. В коммунизме произошло соединение стремлений к социальной справедливости и к государственному могуществу, и второе оказалось сильнее. Было создано централизованное и милитаризованное государство, которое, помимо государственного насилия, держалось и на целостном миросозерцании. В Московском царстве и императорской России народ скреплялся единством религиозных верований. Новая единая вера — марксизм-ленинизм — объявила коммунизм воплощением Царства Божьего на земле, а Россию — тем источником, из которого коммунизм распространится на все человечество.

Как писал Н.А. Бердяев, вся история русской интеллигенции подготавливала коммунизм, в котором воплотились знаковые черты: жажда социальной справедливости и равенства, нелюбовь к Западу, стремление к тоталитарному мировоззрению, нетерпимость к другим мнениям, подозрительное отношение к просвещению и к культурной элите, отрицание духовных ценностей или сомнение в них, сосредоточенность на проблеме роли России в мировой истории и многое другое. Русская общественная мысль всегда была склонна к утопиям — в России утопистами были не только философы, но и цари. В образе коммунизма утопия о лучшем мире на русской почве обнаружила свою исключительную внутреннюю силу, когда русский православный народ, веками смиренно несший свою страдальческую долю и веривший в Бога и судьбу, вдруг отказался от своей веры и принял новую, в которой не было Бога, но зато оставалась надежда на осуществление мессианской роли России в мире.

Официальный атеизм только на первый взгляд был противоположен традиционному русскому православию. По сути дела, атеизм в коммунистической России был составной частью новой коммунистической религии.

Сложным был процесс приспособления православной церкви к реалиям коммунистической России. В период массовых репрессий 30-х гг. многие священнослужители погибли в лагерях. Идеология же руководства православной церкви сформировалась в то время, когда Сталин на фоне общего поворота страны от революционного интернационализма к великодержавности и русскому национализму в 1944 г. пытался воссоздать возглавляемую патриархом и обладающую четко выраженными функциями в государстве православную иерархию. Это была идеология «патриотического служения», предполагавшая поддержку правящей власти и противодействие любой внутренней нестабильности и западным влияниям. Она имела глубокие корни в прошлом церкви и общества, но вместе с тем представляла собой и нечто принципиально новое, ибо это «патриотическое служение» атеистическому государству позволило русской православной церкви найти свое место в коммунистическом обществе. И хотя церковь и вера продолжали преследоваться, для той части общества, которой позволялось сохранять религиозность (главным образом, малообразованному населению, проживавшему в сельской местности и небольших городах), православная церковь была единственной церковью, покровительствуемой государством, и при помощи атеистического государства она могла справляться со своими противниками — представителями других христианских конфессий. При этом в самой церковной иерархии воспроизводились порядки, свойственные тоталитарному обществу в целом.

Религиозные устроения в современной постперестроечной России отличаются чрезвычайным разнообразием и сложностью. Безусловным достижением политической реформы явилось учреждение демократического принципа свободы совести и равенства вероисповеданий. Принципиально изменился образ религии в общественном мнении. Теперь она почти единодушно расценивается как стержень всей культуры, как носитель нравственности и

духовности. Очевидно, что такой сдвиг — закономерное следствие слома прежней структуры партийно-государственного атеизма, место которого стали быстро заполнять ранее подавляемые религиозные конфессии, как существовавшие прежде (легальные и нелегальные), так и вновь возникшие. Но вряд ли можно однозначно трактовать это новое положение вещей в качестве религиозного возрождения.

Русская православная церковь в новой исторической ситуации, как только это стало возможным, вернулась к старой имперской идее единства православия и народности, согласно которой православная вера является исконно русской национальной особенностью, а православная церковь есть сам русский народ, взятый в его духовном устремлении. В политическом смысле иерархия православной церкви вернулась к привычной схеме служения власти, чтобы с ее помощью добиться привилегированного положения и вновь обрести статус государственной церкви, что подразумевает, в частности, признание православной церкви единственной законной наследницей всей собственности дореволюционной церкви, а также получение государственной поддержки в борьбе с конкурирующими конфессиями.

Но и власть в современной России демонстрирует движение навстречу чаяниям православной церкви, что вряд ли можно объяснить вдруг совершившимся религиозным обращением высших государственных чиновников. Можно указать на две основные причины этого: во-первых, власть в условиях мировоззренческого и идеологического вакуума, возникшего после крушения официального марксистско-ленинского мировоззрения, остро нуждается в дополнительных источниках легитимизации, и союз с исторической церковью тут незаменим; во-вторых, у власти срабатывают исторические самодержавные инстинкты: Россия, с ее точки зрения, для обеспечения государственного единства сегодня, как и всегда, нуждается в едином руководстве и единой вере.

Однако такая зависимость церкви от государства всегда приводила и приводит к искажению самой церковной жизни. Вот что писала в 1936 г. об этом феномене мать Мария (Скобцова): «Церковная жизнь постепенно перерождается по типу любого челове-

ского установления. Церковь становится ведомством, компрометируется государственными, подчас языческими идеалами. Эта отравленность церковного организма иногда заходит так далеко, что даже церковные иерархи утверждают, например, оправдываемость смертной казни с точки зрения христианства... Принадлежность к Церкви становится обязательной с государственной точки зрения, церковь широко распространяется, механически включая в свой состав всех служащих, принадлежащих данному государству... Христова икона подменяется бесчисленными правилами, канонами, традициями, внешними обрядами...»¹

В России никогда не было глубоких демократических традиций. На протяжении двух последних веков она пережила тоталитаризм «самодержавия, православия и народности», сменившийся коммунистическим тоталитаризмом, и хотя идеологическая направленность зеркально противоположна, но в психологическом содержании и политических формах было много общего. Поэтому сегодня усиление православия объективно смыкается с настроением некоторой части населения, направленным против демократических реформ и ориентированным на возвращение России к статусу мировой державы, что проявилось в общественном мнении в последнее время. Религиозная тема в современных политических дискуссиях занимает далеко не последнее место, при этом сегодняшние «левые», вчерашние коммунисты, фактически стоят на позициях «православия, самодержавия (в его коммунистическом варианте) и народности», а «правые», тоже вчерашние коммунисты, но более социал-демократически настроенные, провозглашают необходимость следования мировым (западным) стандартам либеральной демократии, подразумевающим свободу совести, и выступают за нейтральность в сфере религии.

Что касается уровня религиозности в современной России, то можно предположить, что большинство бывших атеистов, утратив атеистическую веру, никакой другой взамен не обрело. Многие люди, искренне идентифицирующие русский народ и православие, не считают лично себя верующими и не являются прихожанами

---

¹ *Мать Мария*. Воспоминания. Очерки. Статьи. Р., 1992. С.240–241.

православной церкви. Число верующих православных остается сравнительно небольшим, так же как и число верующих других традиционных для России протестантских конфессий. В больших городах довольно широкое распространение получили новые религиозные конфессии, в основном пришедшие из Западной Европы и США, что вызывает постоянное беспокойство православной церкви, которая всячески пытается с помощью властей ограничить влияние этих конфессий, рассматривая их деятельность как «прозелитизм» и «сектантство».

Однако основную конкуренцию православию сегодня составляют не другие конфессии, а быстро растущая категория людей, которые определяют себя как «христиане вообще» и не стремятся прояснить свою конфессиональную принадлежность и принять на себя церковную дисциплину. Это в основном люди, имеющие высокий образовательный уровень и не идентифицирующие себя с православием, которое традиционно воспринимается как вера малообразованной части населения.

Наконец, достаточно распространенной является категория людей, которые считают себя верующими не в Бога, а в сверхъестественные силы, причем некоторые из них одновременно считают себя православными, некоторые — «христианами вообще», некоторые — атеистами, но вне зависимости от своих конфессиональных или атеистических предпочтений, это лица с достаточно эклектическим, неопределенным мировоззрением, с повышенным интересом к восточным религиозным учениям, спиритизму, современной паранаучной и парарелигиозной мифологии, строящейся вокруг парапсихологии, НЛЮ и т.п. Конечно, распространение такого типа мировоззрения — явление не российское, а всемирное, связанное с общемировым процессом кризиса традиционных религиозных и мировоззренческих систем. Но в сегодняшней России в условиях мировоззренческого хаоса и психологического кризиса число таких людей особенно велико. Таким образом, можно предположить, что общее состояние религиозности в России развивается в направлении большей неопределенности, и провозглашение «религиозного возрождения» оказывается весьма поспешным. Обращение в веру — акт интимный, затрагивающий весь внутренний

строй личности, он не может быть данью моде, уступкой духовным поветриям или способом выражения социально-политических ориентаций и приоритетов.

Духовная атмосфера в Российском государстве в течение всей многовековой истории его существования, как известно, представляла собой очень сложный конгломерат различных традиций и влияний, главные из которых — западноевропейская культура и культура восточного православия. С начала XVII в., со времени определения России в качестве огромной по своим размерам империи, главной проблемой русской общественной мысли становится вопрос об историческом пути России, вопрос о том, какая из двух основных традиций — западная или восточная — является основной. Сама постановка этой проблемы свидетельствует о некоторой фундаментальной психологической особенности русского менталитета — о наличии «комплекса неполноценности» в самооощении страны, постоянно сомневающейся в собственном праве на существование, а потому обращающейся в поисках идеала либо к собственному прошлому, либо к соседней цивилизации.

Общественное сознание современной России несет в себе черты этой же наследственной болезни. Сегодняшние дискуссии о настоящем и будущем страны удивительным образом воспроизводят старые идеи и аргументы, активно обсуждавшиеся по крайней мере в течение последних двух веков. Сегодня, как и всегда, вопрос о том, во что же верит Россия, самым непосредственным образом связан с вопросом, верит ли Россия в себя. И ответ на этот вопрос может быть найден при условии преодоления в общественном сознании как комплекса мессианской исключительности России — Богоизбранности, так и восприятия всех событий, происходящих в стране, как катастрофы — Богооставленности.